

ГЛАВА IX.

Нравственный бытъ русской женщины на войнѣ и отношенія ея къ санитарному персоналу и больнымъ.

Доселѣ шла рѣчь главнымъ образомъ о трудахъ, о дѣятельности русской женщины на войнѣ. Приступая теперь къ изложенію обстоятельствъ, касающихся собственно жизни и отношеній ея къ другимъ и между собою, считаю необходимымъ предварительно оговориться, что въ этомъ изложеніи послѣдую лишь несомнѣннымъ даннымъ и фактамъ, которые наблюдались мною лично или утверждены достовѣрными сказаніями, и при выводахъ останусь наиболѣе справедливымъ и безпристрастнымъ, не забывая напр., того, что отъ частнаго случая не можетъ и не должно быть заключеній, объ общемъ, или обо всемъ и всѣхъ. Многіе-же слухи, распускаемые досужими людьми, настолько займутъ мѣста, насколько они не грѣшатъ противъ логики событій и обстоятельствъ и не противорѣчатъ истинѣ, утвержденной точными аргументами. Прежде всего, конечно, необходимо рассмотреть одинъ главный изъ спорныхъ пунктовъ, именно: пригодность женскаго ухода и безопасность его въ нравственномъ отношеніи какъ для больныхъ, такъ равно и для самой женщины.

Многіе, и ахъ! какъ многіе держались и, быть можетъ, держатся того воззрѣнія, что женщинѣ не мѣсто на войнѣ, и что отъ нея не только нѣтъ и не могло быть прока, напротивъ только стѣсненіе для другаго персонала и даже пожалуй нравственное искушеніе. Еще до начала кампаніи, когда предполагалось подготовленіе сестеръ милосердія, можно было слышать отъ нѣкоторыхъ: «Едва-ли пригото-

вятся всё эти «барыни и барышни», стремящаяся только для слабых ощущений». — «Съ ними помѣха и еще за ними придется тамъ ухаживать и съ ихъ нервами возиться». Такія и подобныя тому опасенія высказывались и къ этому присовокуплялось сказаніе о неудачномъ опытѣ нашихъ женщинъ во время сербско-турецкой войны. Теперь могу привести хотя одинъ изъ подлинныхъ разговоровъ, которые приходилось нерѣдко тогда вести, по поводу обученія женщинъ уходу за больными и ранеными воинами.

— Вотъ еще одна изъ придумокъ нашего времени, говорилъ нѣкто; — жаль, что врачи теряютъ время на уроки.

— Что-же кажется вамъ такой придумкой? То-ли, что женщины на самомъ дѣлѣ хотятъ посвятить себя гуманному дѣлу, или то, что онѣ, посвящая себя, желаютъ нѣсколько подготовиться къ дѣлу, на которое идутъ...

— Но скажите, откуда это взялось у нихъ вдругъ такое стремленіе?..

— Развѣ нельзя допустить искренняго и глубокаго влеченія женщинъ на помощь своимъ ближнимъ, проникновенія идеей патриотизма и любовью къ странѣ, сыны которой двинулись на войну?..

— Ну, кто и говоритъ. Пожалуй, нѣкоторые и прониклись и увлеклись; а большинство все-таки и само не знаетъ, чего ищетъ, что его ожидаетъ. Почти всё онѣ стремятся видѣть сраженія, ухаживать за ранеными, оказывать пособія имъ; но увѣренъ, что мало пользы будетъ послѣднимъ отъ такихъ помощницъ.

— Да почему-же?.. По какимъ причинамъ?..

— Бывали вы когда-либо на войнѣ?.. Спасуютъ, — вотъ и все!.. Или еще можетъ быть того хуже, пойдутъ исторіи и некрасивая штука выйдетъ вообще.

— Что вы, что вы? Какое-же право и основаніе имѣемъ мы для такихъ подозрѣній? Вѣдь это значить сѣять заранѣе на пути ихъ тернія и вносить въ ихъ стремленія большую долю обезкураживанья и сомнѣній. Если между многими дѣателями, отличавшимися благородствомъ и самоотверженіемъ, являлись несчастные — падающіе; то, по законамъ здравой логики нельзя-же дѣлать приговора о всѣхъ. При томъ мы смѣшиваемъ два понятія: дѣло общественное и частную жизнь и имѣя право на первое, врываемся въ послѣднюю.

— Ну ладно, ладно! Вотъ посмотримъ, опытъ, конечно, укажетъ! Я высказалъ лишь опасенія.

И такая неуверенность и такой голос сомнительный были не единственными; такія воззрѣнія были у многихъ, предполагавшихъ и высказывавшихъ явно, что подобное стремленіе русской женщины есть дѣло временнаго — минутнаго увлеченія, какъ-бы моды, причемъ больные стоятъ на второмъ планѣ, на первомъ-же собственные интересы женщинъ—удовлетвореніе ихъ желаніямъ, нетерпѣнія и искательствъ ихъ натуры чего-либо новаго, неизвѣданныго, неиспытаннаго. Нѣкоторымъ никакъ не хотѣлось вѣрить въ болѣе глубокое сознательное желаніе многихъ женщинъ помочь несчастнымъ, присутствующимъ имъ и глубоко кроющееся въ натурѣ ихъ.

Что-же сказалъ опытъ и опытъ не краткій, а обставленный всеми условіями?.. Время для этого опыта слишкомъ достаточное, — болѣе года;—обстоятельства слишкомъ выдающіяся по своей интенсивности, условія слишкомъ рѣзкія, чтобы, сопоставляя все это, отнестись къ опыту съ достодожнымъ вниманіемъ и полнымъ довѣріемъ. Что-же сказалъ такой опытъ?

Относительно дѣятельности, труда и работы женщины достаточно наглядными фактами, какъ можно было видѣть изъ предыдущаго и явствуетъ изъ послѣдующаго, этотъ опытъ явно утвердилъ справедливость того взгляда, что женщины, такъ сказать, не ступали, не пали подѣ тяжестью труда, ни подѣ гнетомъ лишеній и пр. Изъ всего очевидно одно, что онѣ работали съ усердіемъ, энергіей и самоотверженіемъ и что ихъ энергія увеличивалась даже съ увеличеніемъ препятствій и въ этомъ не было различій. Дамы высшаго круга и положенія и женщины болѣе бѣдныхъ сословій, получившія высшее образованіе и даже не получившія никакого, сестры принадлежавшія общинамъ и сестры «Краснаго Креста», вызвавшіяся къ уходу за больными и ранеными во время войны—все онѣ,—самоотверженно работали, стремились единственно къ одной цѣли: доставленію возможнаго успокоенія и улучшенія положенія несчастныхъ. Работа шла дружно, безъ жалобъ даже на слабость силъ—до самозабвенія... Относительно этого все, и врачи, и военные, и тѣмъ болѣе больные согласны и одного мнѣнія: самаго благопріятнаго и уважительнаго о дѣйствіяхъ русской женщины, въ какомъ-бы званіи она ни являлась на войну, въ званіи-ли врача, фельдшера или сестры милосердія. Въ этомъ отношеніи диссонанса нѣтъ, да и не могло быть, такъ какъ дѣйствія ихъ были у всехъ на виду и грѣшно и непростительно

было-бы не отдавать должнаго и противорѣчить нагляднымъ и самымъ убѣдительнымъ фактамъ. «Работали хорошо и пользы принесли достаточно»—это общій голосъ, общее убѣжденіе, дѣйствительно основанные на несомнѣнныхъ данныхъ и фактахъ, утвержденныхъ безпристрастными свидѣтельствами.

Но что касается затѣмъ самой жизни или такъ сказать, поведенія почтенныхъ дѣятельницъ, на счетъ которыхъ встрѣчалось наиболѣе опасеній и потому нѣкоторыхъ отзывовъ, смѣшанныхъ съ сомнѣніемъ и недовѣріемъ: то приходится войти въ болѣе подробныя объясненія, опять таки основываясь на фактической сторонѣ вопроса.

Говорить о разныхъ анекдотахъ, къ сожалѣнію, обыкновенно ходящихъ среди нашихъ отцѣвѣтшихъ и развращенныхъ гаменовъ, иначе говорить о шуткахъ, которыми иногда не брезгаютъ иные даже интеллигентные, по видимому, люди, не всегда съ должнымъ уваженіемъ смотряшіе на всякое слово, исходящее изъ ихъ устъ, по меньшей мѣрѣ излишне и недостойно труда, предпринятаго съ цѣлію описанія дѣятельности женщины, — дѣятельности слишкомъ почтенной, чтобы отнестись къ ней слишкомъ легко. Пробѣздомъ еще въ армію приходилось слышать на одной изъ румынскихъ станцій самый пикантный разсказъ на счетъ нѣкоторыхъ сестеръ «Краснаго Креста», бывшихъ въ то время въ одномъ изъ городовъ Румыніи и труды которыхъ только что видѣли мы въ подробности. Разсказывалось такъ увѣренно, съ такимъ апломбомъ, что мнѣ, какъ человѣку новому, не бывшему еще въ тѣхъ мѣстахъ, приходилось негодовать внутренно и отвергать всѣми способами несбыточность происшествія и невѣроятность разсказываемаго.

— «Испытайте и попробуйте сами: было мнѣ на все отвѣтомъ. «Не такъ далеко отсюда—и убѣдитесь въ справедливости и во очію.»

Испытать однако же не пришлось; ибо «простые» люди оказались болѣе честными и болѣе правдивыми въ отношеніяхъ и взглядахъ на женщину, чѣмъ эти глашатаи, ради краснаго слова не щадящіе ни отца, ни матери, ни честнаго имени женщины. Правда, именъ обыкновенно не обозначалось; но тѣмъ то и гаже поступки подобныхъ лицъ, что они набрасывали сомнѣнія и подозрѣніе на имя вообще русской женщины, позоря, такъ сказать, своихъ матерей и сестеръ.... Пробовали мы,—чтобы проба эта удалась вполнѣ, разумѣется, надо было имѣть достовѣрныхъ свидѣтелей,—и проба

вышла столь неудачной, что становилось стыдно за человека или за лицъ, выдающихъ какъ бы за вѣрное — небывалое, за видѣнное, что только слышалось или было выдуманно въ видѣ анекдота. Къ подобнымъ разсказамъ слѣдовало относиться тѣмъ съ большею недоувѣрчивостію, особенно въ такихъ мѣстахъ, какъ города Румыніи, которые тогда кишѣли массой искателей и искательницъ приключеній; изъ послѣднихъ иныя принимали всякіе образы для достиженія своихъ цѣлей. Эти маскированные личности, быть можетъ, и пользовались костюмомъ сестеръ, и бросали невыгодную тѣнь на русскую женщину, посвятившую себя великому и гуманному дѣлу; такъ что этимъ подавался какъ бы вѣроятный поводъ людямъ, съ воззрѣніями скабрзными вообще на женщину, слагать разныя легенды и нелѣпицы. Не простиительно всеѣмъ тѣмъ, которые только по слухамъ, недоразумѣнію, не увѣрившись и не распознавши фактовъ, имѣли смѣлость утверждать самыя оскорбительныя для женщинъ слухи и вещи! Другой разъ опять таки въ одномъ изъ большихъ городовъ у насъ въ Россіи получилъ я свѣденія, что одна изъ сестеръ отличается здѣсь своими эксцентрическими выходками и вмѣстѣ съ этимъ разсказывавшіе относились къ этому съ сожалѣніемъ. Въ разсказѣ оказалось нѣсколько правды, а наибольшая часть придумана. Вѣрно было одно, что дѣйствительно жила тамъ сестра Краснаго Креста и то уже «бывшая»; но за тѣмъ всѣ сплетенія о ея фигурированіи были выдумки и непроходимая ложь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ потомъ Кавказа и Болгаріи носились слухи о безпорядочномъ поведеніи русскихъ женщинъ, но въ большинствѣ случаевъ оказывалось, что подобные слухи по меньшей мѣрѣ были преувеличены, неосновательны и ложны. Не могу оспаривать, что въ нѣкоторыхъ исключительныхъ, единичныхъ случаяхъ, они и имѣли, быть можетъ, какое либо основаніе; но нельзя при этомъ забыть истины, высказанной народной мудростію: въ семьѣ не безъ урода. А въ такой многочисленной семьѣ, какова была женская во время войны, конечно могли явиться личности недостойныя, личности слабыя, падавшія подъ бременемъ испытаній, искушеній и пр. Слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы вся семья подверглась порицаніямъ и укорамъ? Слѣдуетъ ли изъ того, что въ самой арміи являлись лица, въ высокой мѣрѣ безнравственныя, слѣдуетъ ли отнести къ ней вообще съ особымъ чувствомъ неодобренія и негодованія? Изъ того, что въ каждой профессіи показываются члены

позорящіе даже ее, — слѣдуетъ ли считать весьма низкимъ уровень нравственнаго состоянія и развитія всей корпораціи? Да и допускаемая возможность паденія со стороны единичныхъ личностей, считаю совершенно справедливымъ указать на то, что не всегда виновенъ тотъ, кто учинилъ какой либо проступокъ. Такъ и здѣсь: едва ли и въ исключительныхъ случаяхъ всю вину должна взять на себя одна женщина...

Имѣли ли слухи какую либо и какую собственно подкладку въ немногихъ извѣстныхъ случаяхъ, о томъ скажу впослѣдствіи. А теперь только имѣю смѣлость утверждать: en masse поведеніе женщины на войнѣ было болѣе, чѣмъ безукоризненно даже въ томъ отношеніи, что весьма многія изъ нихъ оставляли обыкновенныя мелочи характера, какія присущи малоразвитымъ и необразованнымъ личностямъ женскаго пола.

Если прослѣдимъ на столько же подробно жизнь ихъ и отношенія какъ взаимныя, такъ и къ прочему санитарному персоналу; то безъ сомнѣнія будемъ стоять на болѣе твердой почвѣ для рѣшенія поставленнаго ранѣе вопроса, равно какъ и того общаго вопроса: представляется ли возможнымъ воспользоваться услугами женщинъ на войнѣ и предложеніями ихъ посвятить себя уходу за больными и ранеными воинами.

На сколько можно судить изъ данныхъ отзывовъ врачей дѣйствовавшихъ армій; многіе изъ врачей вначалѣ смотрѣли на женскій уходъ въ госпиталяхъ, не какъ на что-то необходимое и непремѣнное, нѣкоторые же положительно недопускали особой пользы отъ сестеръ милосердія; вообще смотрѣли на это индеферентно и равнодушно, хотя и соглашались вполне съ необходимостью хорошаго ухода за больными и сознавали одну изъ слабыхъ сторонъ госпитальной жизни — недостатокъ хорошей, умѣлой и нравственной прислуги, требуя болѣе цѣлесообразно подготовленныхъ санитаровъ и сами работали по подготовленію послѣднихъ. Пользы же въ этомъ отношеніи отъ женщинъ, предлагавшихъ себя на службу въ госпиталихъ, не предвидѣли. Такой взглядъ весьма легко объясняется и находитъ оправданія въ обстоятельствахъ больничнаго дѣла у насъ вообще. Сестры милосердія въ мирное время у насъ извѣстны лишь въ немногихъ столичныхъ и рѣдкихъ провинціальныхъ врачебныхъ заведеніяхъ, женщины же врачи и фельдшерицы тѣмъ менѣе. Почему опытныхъ наблюденій пока еще не имѣлось.

Подобныя воззрѣнія на женскій трудъ въ госпиталяхъ, а тѣмъ болѣе на перевязочныхъ пунктахъ, нѣкоторыхъ врачей, безъ сомнѣнія, сказались въ началѣ отношеніями, которыя болѣе или менѣе не были въ интересахъ женщины, посвящающей себя уходу за больными и ранеными. Думалось, что подобныя помощницы едвали будутъ въ состояніи оказать дѣйствительныя услуги и облегчить врачебныя труды и работу. Помнится по этому поводу разговоръ съ однимъ изъ главныхъ врачей госпиталя, который называлъ всѣхъ этихъ ожидаемыхъ женщинъ «лишней обузой».

— «Что тутъ съ ними подѣлаешь?.. И такъ видите жить негдѣ,—незнаемъ, какъ приютимся сами,—а тутъ еще пришлютъ этихъ «дамъ»!.. Поди заботься о нихъ!.. А еще прокъ-то какой будетъ отъ нихъ — неизвѣстно!»..

— «Да вѣдь вы сами жалуетесь на недостатокъ хорошей и знающей прислуги, на плохой подборъ фельдшеровъ. Отчего же не предположить, что женщины замѣнятъ намъ нехорошихъ и восполнятъ недостатокъ?»

— «Кабы такъ! А то у насъ обыкновенно что? Эти барыни не видали, что такое госпиталь, да еще на войнѣ. Съ непривычки разстроить нервы, за ними придется ходить!»..

— «Полноте, что вы? Если онѣ рѣшаются на то, чтобы ѣхать сюда, значить, поиспытали свои нервы, да къ тому же весьма многіе изъ врачей даютъ самыя благопріятныя отзывы о терпѣливости, энергіи и даже умѣлости всѣхъ тѣхъ женщинъ, которыя отправляются сюда».

— «Посмотримъ, посмотримъ», говорилъ, покачивая головою, и все еще съ сомнѣніемъ пожилой врачъ, бывшійся съ утра до вечера съ фельдшерами и прислугой.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ опять мы вели разговоръ о состояніи его госпиталя. Въ это время уже успѣли поселиться въ немъ и сестры милосердія и даже студентки или женщины-врачи.

— «Какъ же, colega», спрашивалъ я, «какъ теперь идутъ дѣла? Что ваши студентки и сестры?»..

— «А что?.. И не ожидалъ отъ нихъ такой прыти!.. Просто самъ иногда не вѣрю глазамъ и только удивляюсь. Это—прелесть что такое. И помощь пришла какъ разъ кстати. Нечего и говорить, что теперь все болѣе въ порядкѣ и больные довольнѣе; но и о помѣщеніи мало хлопотать пришлось. Этакой скромности въ тре-

бываніяхъ невозможно было ожидать! Теперь я знаю, что порціи розданы, больные напоены чаемъ, перевязаны, въ палатахъ чисто и болѣе спокоенъ, чѣмъ прежде. Не заботишься уже такъ, какъ бывало, по цѣлымъ днямъ, да и все такъ сказать упорядочилось. Правда попалась тутъ слабая и съ неврозамъ; но и эта бѣдная, видимо, не хочетъ, чтобы на ея нервы обращали вниманіе. Да чего?.. Я былъ до-селѣ такого мнѣнія: гдѣ ужъ женщинамъ быть врачами, да еще военными?.. И представьте! Такъ-то работаютъ, что любо дорого смотрѣть и главное безъ всякой аффектаціи и безъ всякаго, какъ бы сказать, этого, чего я очень не люблю, женскаго жеманства и заносчивости. Дали имъ палаты и онѣ живмя живутъ въ нихъ»...

Меня поразила такая переменъ въ воззрѣніяхъ почтеннаго доктора на служащихъ подъ его наблюденіемъ женщинъ, и я не замедлилъ высказать это.

— «Вѣдь я не слѣпъ и не заскорузлы такъ мои мозги, чтобы утверждать что-либо вопреки очевидной истинѣ и фактамъ. Фактъ, другъ, не утратилъ для меня значенія. Да, и нечестно было бы съ моей стороны, видя такое стараніе и пользу, стоять опершись въ стѣну лбомъ. Еще не потеряли мы наставленій науки: отличать хорошее отъ дурнаго, справедливаго отъ ложнаго, и въ случаѣ сознать свои ошибки. Тотъ не ошибается, кто ничего не мыслить и не думаетъ».

Подобные этому разговоры случалось вести и въ другихъ мѣстностяхъ и къ удовольствію могу замѣтить, что врачи оказались вполне интеллигентными людьми, отдающими должное должное. Огромное большинство врачей впослѣдствіи, когда убѣдились на дѣлѣ въ способностяхъ и полезности женскаго санитарнаго персонала, единогласно давали самые благопріятные отзывы о дѣятельности его и это уже служить свидѣтельствомъ, что отношенія между ними были болѣе, чѣмъ хорошія, ограничиваясь сферой совмѣстной дѣятельности и общихъ интересовъ, заключающихся въ успѣхахъ врачебнаго дѣла и въ лучшемъ положеніи больныхъ и раненыхъ воиновъ.

Весьма понятно, что въ самомъ началѣ и могли встрѣчаться нѣкоторыя, такъ сказать, несходства и несогласія. Съ одной стороны — лица, до тонкости знающія всю суть госпитальнаго дѣла, осматрѣвшіяся и привыкшія уже къ госпитальнымъ порядкамъ, обстановкѣ, говоря однимъ словомъ, люди «бывалые» «обстрѣлен-

иые», съ другой-же лица, еще хорошо со вѣмъ вышеозначеннымъ незнакомы, со свѣжими чувствами и впечатлѣніями, непріобрѣтшія еще навыка, неопытныя, на которыхъ многое въ госпитальномъ дѣлѣ производить иныя впечатлѣнія, чѣмъ на первыхъ, или какъ-бы «рекрута санитарно-госпитальнаго дѣла». При чемъ нельзя не взять во вниманіе и нѣкоторой разницы въ современной организаціи мужчинъ и женщинъ, допускающей нѣкоторую разницу въ силѣ и интенсивности дѣйствія разныхъ вліяній. Если для большинства мужчинъ нѣкоторыя событія, обыкновенныя на войнѣ, производить извѣстныя впечатлѣнія, то съ вѣроятностью можно предполагать, что эти-же событія отзывались-бы на женщинахъ ощущеніями болѣе сильными и другого характера. Разница эта безъ сомнѣнія, по мѣрѣ времени и навыка, сглаживается; но тѣмъ не менѣе она существуетъ. Въ силу всего вышесказаннаго легко уразумѣть, что въ самомъ началѣ могли встрѣчаться нѣкоторыя непониманія и недоразумѣнія между первыми и послѣдними. Послѣднимъ каждый стонъ, каждый вздохъ, каждая жалоба могли казаться немедленно требующими вниманія, быстрой помощи и возбуждать въ нихъ дѣятельное сочувствіе, а за тѣмъ сообразно этому и самыя возрѣнія и дѣйствія относительно первыхъ, которые въ свою очередь могли считать это вмѣшательствомъ въ сферу ихъ обязанностей и дѣятельности и возбуждаться къ неудовольствію горячими словами неосновательныхъ укоризнъ и беспокойствъ. «Докторъ! да обратите вниманіе на этого несчастнаго», умоляетъ сестра обходящаго больныхъ ординатора, «помогите ему чѣмъ либо!»—«Докторъ? Кажется И, слишкомъ трудень, не посоветуете-ли что либо сдѣлать для него?» «Докторъ! Я дала С. вина, не повредить ему?».. Эти и подобныя обращенія на самомъ дѣлѣ быть можетъ и возбуждали врачей къ рѣзкимъ иногда отвѣтамъ: «пожалуйста, не суйтесь! Все сдѣлается», «я вижу, что надо сдѣлать»; или, «напрасно вы распоряжаетесь,—лучше исполнить, что предписано и проч.». Въ это время, быть можетъ, являлись и нѣкоторые отзывы врачей не всегда благопріятные не только о дѣятельности, но и о самомъ поведеніи женщины!..

Но и эти, слишкомъ обыкновенныя, шероховатыя отношенія мало по малу сглаживались; тѣ и другія на дѣлѣ познавали, что стремятся къ одной общей цѣли. Первые распознавали, что въ обращеніяхъ сестеръ нѣтъ умысла посягать на ихъ достоинства, на

ихъ знанія, на ихъ авторитетность, нѣтъ намѣренія оуждать ихъ дѣятельность; послѣднія-же видѣли и на опытѣ убѣждались, что рѣзкіе иногда приговоры исходили не отъ ожесточенія и неудовольствій на ихъ пребываніе, а являются лишь результатомъ желанія научить еще неопытныхъ и приспособить ихъ болѣе и болѣе къ несенію труднѣйшихъ занятій. Такимъ образомъ мало по малу сглаживались такія отношенія между врачами и женскимъ санитарнымъ персоналомъ, которыя были наиболѣе нежелательны въ цѣляхъ облегченія страданій больныхъ и раненыхъ воиновъ. Врачи признавали ихъ своими ближайшими помощницами и товарищами;—женщины-же видѣли во врачахъ руководителей и наставниковъ или лицъ, мысли и желанія которыхъ направлены единственно къ улучшенію положенія больныхъ и раненыхъ. По этому для насъ объяснимы всѣ лучшіе отзывы, которые даются теперь всѣми дѣятелями другъ о другѣ.

Нельзя не дать вѣроятія и тѣмъ рѣдкимъ случаямъ, о которыхъ говорилось и въ печати, и которые послужили даже нѣкоторымъ поводомъ сомнѣваться въ подобныхъ отношеніяхъ. И эти случаи, главнымъ образомъ бывшіе со старшими сестрами, объясняются или личнымъ характеромъ дѣйствовавшихъ лицъ или нѣкоторыми неточностями въ постановкѣ всего дѣла на практикѣ, неопредѣленностью регуляціи отношеній старшихъ сестеръ къ госпиталямъ, къ врачамъ и пр. Съ Кавказа шли сообщенія объ одной старшей сестрѣ, которая вмѣшивалась во всѣ распоряженія врачебнаго персонала, даже чуть-ли не въ способы леченія больныхъ, которая вездѣ и всегда ставила свои познанія и свое я выше другихъ и тѣмъ возбуждала противъ себя большинство врачей и сестеръ. Затѣмъ было извѣстіе и о другой старшей сестрѣ, бывшей въ Румыніи, старавшейся властвовать не только надъ сестрами, но и надъ врачами, и иногда успѣвавшей проявить свою власть и вліяніе на судьбѣ не понравившихся ей личностей. Наконецъ извѣстно было и то, что студентамъ или женщинамъ-врачамъ кое гдѣ не предоставляли заниматься больными самостоятельно. Но если и всѣ эти извѣстія справедливы вполнѣ; не слѣдуетъ забывать объ ихъ единичности и исключительности и не слѣдуетъ упускать изъ вида самыхъ причинъ возникновенія подобныхъ случаевъ. Нѣкоторая неопредѣленность въ положеніи женщинъ-врачей и въ опредѣленіи сферы дѣятельности старшихъ сестеръ, сдѣлалась причиной, почему инныя дамы, не

могшія отрѣшиться отъ самомиѣнія, присущаго имъ въ мирное время, заходили за черту и границы и портили тѣмъ свои отношенія къ врачамъ и другимъ младшимъ, хотя сестрамъ милосердія. И подобные единичные случаи, показывающіе, между прочимъ, благія цѣли дѣятелей, достигаемыя только нежелательными средствами, были рѣдкими исключеніями и, въ виду кратковременности дѣйствій такихъ личностей, не портили общаго фона прекрасной картины. Быть можетъ, находились между массой сестеръ и необразованныя, неразвитыя личности, недовольныя, грубыя и проч., но въ отношеніяхъ къ врачебному персоналу сохранялось столько хорошаго, что дѣйствительно можно приходить въ восторгъ при видѣ такихъ прекрасныхъ отношеній. Едва-ли можно пройти молчаніемъ хотя такіе факты, что не занесено ни одной оффиціальной жалобы со стороны женщинъ на врачебный персоналъ и со стороны послѣдняго на сестеръ милосердія и вообще на женщинъ, въ какомъ-бы званіи онѣ ни находились въ госпиталяхъ. Къ этому не могу не присоединить извлеченія изъ замѣтокъ одной сестры «Краснаго Креста», отличающихся безпристрастіемъ и въ высшей степени критическимъ характеромъ... И она говоритъ такъ: «Что касается нашихъ отношеній къ фельдшерамъ и докторамъ, то о первыхъ сказать почти нечего, до нихъ у насъ вообще дѣло мало касалось и они въ большинствѣ случаевъ относились къ намъ хорошо. Худшее было то, что они не всегда были исполнительны, за что подвергались взысканіямъ, съ нашей-же стороны приходилось тогда кромѣ своей справляться и съ ихъ обязанностью. Съ докторами недоразумѣнія у сестеръ выходили чрезвычайно рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ доктора, повидимому, оставались довольными сестрами. Равно также и сестры относились къ нимъ съ большимъ уваженіемъ и благодарностью. Если и возникали недоразумѣнія, то они были столь рѣдки»...

Такія отношенія говорили за совокупныя стремленія къ одному нравственному идеалу, за гуманность и любовь къ своей дѣятельности, — служили выраженіемъ высокой образованности и нравственныхъ достоинствъ, которыми заявили себя на дѣлѣ подвижники-герои! Едва-ли можетъ быть какое либо сомнѣніе, что есть дѣло и начала повыше разныхъ физическихъ стремленій, что товарищескія отношенія, союзы въ высокыхъ нравственныхъ цѣляхъ могутъ существовать и что польза не много значить въ общей высокой дѣятельности. На основаніи достовѣрныхъ данныхъ можно

заклѣчить, что тѣми и другими отзывами врачей о сестрахъ руководило дѣло послѣднихъ и что въ самомъ проявленіи ихъ отношеній главную роль играло тоже дѣло, — прочія-же воззрѣнія вовсе не имѣли какого-либо мѣста. Общность занятій, конечно, сближала дѣятелей; но видѣть въ этихъ сближеніяхъ нѣчто позорное, достойное нечѣстныхъ воззрѣній на женщину, было бы крайней несправедливостью и нравственной слѣпотой.

Я удержался только на тѣхъ отзывахъ, какіе до сего времени существуютъ и которые всѣ говорятъ, что въ нравственномъ отношеніи женщины, бывшія на войнѣ, стояли высоко и что эта сторона отвѣчала ихъ человѣколюбивымъ трудамъ. Отзывы госпитальныхъ врачей и пр., въ подробности приведенные выше, какъ каждый легко можетъ убѣдиться, даютъ право сдѣлать только такое, а не иное, заключеніе. Я считалъ невозможнымъ пропустить и тѣ единичныя, неблагопріятныя отзывы о дѣятельности нѣкоторыхъ сестеръ и пояснить ихъ въ своемъ мѣстѣ. Быть можетъ иныя случайныя явленія и даютъ поводъ къ разнымъ обобщающимъ разсказамъ, но тѣмъ не менѣе изъ извѣстныхъ доселѣ данныхъ складывается высоко-нравственный образъ русской женщины, добровольное и самоотверженное дѣло которой уже стоитъ такой прекрасной и рѣзкой чертой въ этомъ образѣ. При томъ въ дѣятельно-нравственномъ отношеніи одинъ или два случая имѣютъ мало значенія, особенно при такой массѣ тѣхъ и другихъ дѣятелей и при томъ условіи, что не могло быть самаго строгаго выбора. Сердце человѣческое не могло быть оставлено дома, но это едвали должно было вести къ худшимъ послѣдствіямъ «тамъ», чѣмъ это ведетъ «здѣсь». Можетъ быть «тамъ» зародились и болѣе прочныя связи; но почему-же ихъ считать безнравственными и ставить въ укоръ лицамъ, если не дѣлается этого здѣсь и въ обыкновенное время? Въ отношеніяхъ-же врачей и женскаго персонала на дѣлѣ были однѣ связующія звѣнья: это — самое дѣло и участь больныхъ и раненыхъ, нуждающихся въ ихъ помощи. Да и недавно уже здѣсь, по возвращеніи, приходилось вести разговоры по этому предмету и вотъ что можно было услышать: «до того-ли было!» «Цѣлый день за дѣломъ съ утра и до вечера»... Приходилось выслушать и то, что русскіе мужчины на войнѣ какъ-бы «иные» и еще съ большимъ уваженіемъ относятся къ женщинамъ.

Не излишне будетъ вспомнить здѣсь о взаимныхъ отношеніяхъ,

вниманіи, общихъ интересахъ, даже прогулкахъ и пр. Все это давало, быть можетъ, поводъ дѣлать предположенія относительно нѣкоторой неблагонамѣренности и неровностей въ поведеніи. И въ этомъ отношеніи сами женщины относились всего строже къ своимъ товарищамъ по профессіи. Каждый кружокъ или отрядъ сестеръ милосердія «Краснаго Креста» строго наблюдалъ за нравственнымъ состояніемъ своихъ членовъ, заботливо оберегалъ себя отъ разныхъ даже слуховъ невыгодныхъ и неблагопріятныхъ и ревниво смотрѣлъ за каждымъ поступкомъ своихъ членовъ. Удаленіе самаго незначительнаго числа сестеръ происходило, по представленію же самыхъ старшихъ и по желанію другихъ сестеръ. Разнесеніе неблагопріятныхъ сплетеній было на руку и тѣмъ агентамъ и кормильцамъ, которые въ женщинѣ встрѣчали свою «совѣсть» и вообще въ санитарномъ персоналѣ находили значительныя препоны своимъ своекорыстнымъ поползновеніямъ. Женскій элементъ становился на сторону врачей и вмѣстѣ съ ними блюлъ интересы больныхъ, зорко слѣдя за тѣмъ, чтобы доходило до больныхъ и раненыхъ положенное и необходимое, чтобы не наносился имъ ущербъ недобросовѣстными людьми и чтобы по мѣрѣ силъ оказать попеченіе несчастнымъ. Отсюда выходили, конечно, недоразумѣнія, пререканія, недовольства и раздраженія. Сестры сильныя своей правотой и поддерживаемыя врачевнымъ персоналомъ естественно стремились къ безупречному выполненію добровольныхъ обязанностей; тѣже, которые относились къ своимъ обязанностямъ не съ полнымъ вниманіемъ, тоже естественно желали какъ либо отстранить эти усердные глаза, постоянно и зорко слѣдившіе за всѣмъ, что касалось больныхъ. Понятно, что иные слухи и сплетенія, ни начесть не основанные и касающіеся въ большинствѣ случаевъ личностей неповинныхъ, наносили послѣднимъ глубокія оскорбленія, какъ и вообще личности человѣка. Но и въ этомъ отношеніи великая скромность дѣятельницъ отмѣчена самыми очевидными фактами. Онѣ продолжали дѣлать свое богоугодное дѣло, не взирая на многіе несправедливые слухи объ ихъ нравственномъ бытѣ. Весьма многія изъ нихъ ставили дѣло пренебреже всего и если пришлось имъ хоть нѣсколько, по мѣрѣ разумѣнія и силъ, помочь несчастнымъ, — то этимъ удовлетворялась ихъ нравственная натура. «Что до того», приходилось не разъ выслушать, «что объ насъ идутъ разные слухи?.. Была-бы наша совѣсть чиста и спокойна; когда либо откроется, гдѣ правда». Но припоминаются и болѣе

горячіе протесты другихъ женщинъ противъ разныхъ слуховъ и нареканий, отзывавшихся или простымъ непоминаніемъ и невѣжествомъ, или прямо предвзятыми мнѣніями.

И дѣйствительно свѣтъ видѣнъ и во тьмѣ; дѣла даютъ полную возможность отнестись съ особымъ уваженіемъ къ труду и къ высокоправственной жизни дѣятельницъ. Да и масса работы, масса времени, которое должно было употреблять на утомительный и тяжелый трудъ, исключали совершенно всякую возможность со стороны женщинъ предаваться разнаго рода занятіямъ, неходящимъ въ сферу ихъ дѣятельности. Госпитали не бездѣйствовали, и много-ли праздныхъ дней выпадало на долю ихъ тамъ за границей? Въ то же время, когда госпитали были переполнены и когда всему санитарно-врачебному персоналу работы было слишкомъ довольно, утвердительно можно сказать, что дѣло исключительно поглощало все время сестеръ. Иногда впрочемъ живость, добродушіе, веселость, — качества столь дорогія въ госпитальной жизни и при уходѣ за больными, ставились въ упрекъ и укоризны младшимъ по возрасту сестрамъ. Но общинный духъ, общинныя начала и здѣсь имѣли свое вліяніе....

Вообще же могли-ли-бы сохраниться такія прекрасныя отношенія, выразившіяся потомъ въ многочисленныхъ уважительныхъ отзывахъ врачей, если-бы женщины оказывались недостойными ни своего призванія, ни того дѣла, на служеніе которому онѣ пошли добровольно? Какія-бы причины въ этомъ случаѣ побудили врачей такъ относиться и отзываться въ своихъ отчетахъ и сообщеніяхъ? Врачи, конечно, въ виду успѣшности всего дѣла, указываютъ даже на единичные отрицательные случаи; тѣмъ болѣе слѣдовало-бы ожидать указаній на нехорошія стороны, если-бы большинство женщинъ во время своего пребыванія и дѣятельности на войнѣ стояло на не высокихъ ступеняхъ нравственнаго развитія и если-бы нравственный бытъ русской женщины не отвѣчалъ почтенной дѣятельности, которая признана всѣми.

Что касается отношеній женщины къ низшей прислугѣ, то здѣсь надо было удивляться терпѣнію, скромности и снисхожденію женщины. Санитарная госпитальная прислуга въ военныхъ госпиталяхъ извѣстна уже по своей неудовлетворительности. Грубость, невѣжество, пьянство, лѣнь, — отмѣчаютъ и отличаютъ это, между тѣмъ, важное звѣно госпитальной жизни. «Охъ! съ этимъ народомъ, много было

возни!» это обыкновенный отзывъ госпитальныхъ врачей по поводу прислуги. Можно же вообразить, какъ дорого стоило и какъ обходилось это сестрамъ милосердія, постоянно и чаще должнаго сталкивающимся съ прислугою! Можно же вообразить, каковы были эти отношенія, сколько быть можетъ слезъ пролито при такихъ отношеніяхъ! Но, не смотря ни на что, умѣлый и разумный образъ дѣйствій женщинъ велъ къ тому, что и эти, прославленные своими дурными качествами, люди впослѣдствіи съ уваженіемъ и почтеніемъ относились къ сестрамъ и врачамъ-женщинамъ и даже относительно ихъ отличались предупредительностію и лаской, какія только имъ были доступны. Врачи представляли изъ себя всетаки нѣкое начальство, въ рукахъ котораго были санитары; сестры же, не облеченныя ни какой властью и сами во всемъ подчиняясь, съумѣли поставить свои отношенія къ нисшей прислугѣ въ возможно лучшія отношенія. Съ одной стороны привѣтливость, ласковость, хорошій примѣръ своей чрезвычайной дѣятельности, съ другой—исполнительность и стремленія какъ бы не досадить барынѣ или барышнѣ, столь много пекущимся о нашемъ братѣ. «Нашъ братъ не разумѣетъ развѣ доброту то... говорилъ одинъ изъ санитаровъ,—натко вотъ! Кабы не онѣ, такъ намъ просто карачунъ»... Хорошіе примѣры еще болѣе вліяли на прислугу, которая въ отношеніяхъ своихъ къ сестрамъ со временемъ становилась лучше и лучше.

Наконецъ нужно ли говорить объ отношеніяхъ къ больнымъ, о взаимныхъ отношеніяхъ больныхъ къ сестрамъ милосердія? Нужно ли разяснять еще и еще тѣ основанія, на которыхъ эти отношенія утвердились? Единогласная и единоподушная признательность больныхъ, бывшихъ въ госпиталяхъ и лазаретахъ и пользовавшихся уходомъ женскимъ, на столько извѣстно, вылилась въ такой теплой формѣ, что не можетъ быть ни малѣйшей іоты сомнѣнія въ чемъ-либо противоположномъ сему. Раненые выздоравливавшіе уносили дорогія воспоминанія о любви материнской или сестринской, блювшей надъ ними въ самыя трудныя минуты. «Отношенія къ намъ больныхъ», пишетъ одна сестра, «отличались крайне симпатичнымъ характеромъ. Сестры милосердныя всегда могли разсчитывать на удивительную деликатность солдата, умѣющаго держаться предѣла, за которымъ начинается неуваженіе къ женской личности, къ женскому достоинству. Въ этомъ случаѣ и лицамъ, далеко выше поставленнымъ, слѣдовало-бы подчасъ поучиться у простаго солдата. Но

при этомъ характерно, что ни одна самая роскошная барыня—сестра не проявляла той брезгливости, которая нерѣдко поражала мужчинъ изъ такъ называемыхъ образованныхъ». И въ другомъ мѣстѣ. «Едва я могла удержаться отъ слезъ, прощаясь съ своими добрыми солдатами и больными,—ровно разставалась съ родными, близкими мнѣ людьми. Дала имъ на дорогу кисетики съ табакомъ, посадила на телеги и со слезами отошла. Прощаясь со мной, они хотѣли написать, какъ пріѣдутъ домой, а многіе говорили: «прощай, родная! Въѣтъ не забудемъ тебя и кисетики трогать даже не станемъ. А одинъ солдатъ отозвалъ въ сторону и суетъ что-то и шепотомъ говорить: сестрица! Нечѣмъ поблагодарить-то,—возьми вотъ страстная свѣчечка. Можетъ она дать тебѣ счастье». Какъ то въ разговорѣ съ больными, одинъ изъ нихъ спросилъ:—«сестрица, а жалованья сколько получаете?..—Никакого...—Ну, дай вамъ Богъ здоровья, какъ васъ увидишь, на душѣ покойнѣе и веселѣе станеть...»

Но и тѣ, которымъ рокъ судилъ погибнуть въ землѣ чужой, въ послѣднія минуты своей жизни, «въ сей страшный и смертный часъ», не остались безъ привѣтнаго—роднаго утѣшенія и состраданія. Ихъ страданія приняты любящимъ сердцемъ, ихъ горе облегчено сочувственной слезой русской женщины, которая не только прилагала старанія, но и своей теплотой чувствъ согрѣвала холодящаго и оставляющаго жизнь. Чувство благодарности солдатъ сказалось въ томъ довѣрїи, съ которымъ умирающіе относились къ сестрамъ милосердія, вручая имъ послѣдній вздохъ, — мольбу—передать свое благословеніе остающимся въ живыхъ—и увѣренность, что и это послѣднее въ жизни желаніе будетъ передано съ такимъ же вниманіемъ, какое было отдано при самомъ уходѣ, тѣмъ болѣе трудномъ, что онъ направленъ былъ на слабого, истощеннаго, умирающаго. Вотъ одно изъ правдивыхъ и дорогихъ сказаній! «Въ Габровѣ снова пришлось работать усиленно... Одинъ изъ больныхъ трудныхъ, бывший прежде въ другомъ госпиталѣ, подъ наблюденіемъ той же сестры, при визитаціи ея, нашелъ силы, чтобы остановить ее и выразить ей: «какъ я радъ видѣть тебя»!.. «Чувствуя приближеніе смерти», пишетъ сестра, «онъ призвалъ меня къ себѣ, передалъ деньги, просилъ переслать ихъ старухѣ матери». «Напиши ей, чтобы вспоминала и молилась за меня.. Умеръ за святое дѣло.. А тебѣ, сестрица, вотъ оставляю крестъ.. Онъ мой»!. И при этомъ онъ передалъ мнѣ Георгію»

гивскій крестъ. Съ этимъ благословеніемъ ни въ какомъ случаѣ никогда не разстанусь. Теперь когда настаютъ минуты горькія, минуты отчаянія; стоятъ только взглянуть на этотъ крестъ и — все тяжелое, горькое забывается и съ новой энергіей принимаешься за дѣло». Да! послѣднія минуты многихъ были услаждены материнскимъ участіемъ русской женщины, сердцемъ страдавшей за несчастныхъ и всей душой стремившейся къ облегченію страданій.

И все это происходило въ такихъ условіяхъ, которыя далеко были отъ обыкновенныхъ въ мирное время. Больничныя условія вообще не относятся къ лучшимъ; но что-же сказать о нихъ тамъ.... на войнѣ.. вдали отъ отечества! Что сказать о томъ времени, когда вдругъ массы раненыхъ или больныхъ переполняютъ госпитальныя помѣщенія или когда въ послѣднихъ развивается эпидемія? Надо проникнуться и горѣть любовью къ человѣку, надо забыть себя совсѣмъ, надо отбросить все чувства себялюбія и пр., что бы работать постоянно, ухаживать за ранеными и больными, въ подобныхъ условіяхъ. Не могу не привести замѣтокъ одной сестры, бывшей на Кавказѣ, безпристрастно изложившей свои впечатлѣнія. Изъ этихъ замѣтокъ можемъ усмотрѣть и условія, въ которыхъ приходилось работать сестрамъ и нѣкоторыя отношенія къ хозяйственному госпитальному персоналу. «Насъ назначили въ одинъ изъ госпиталей. При поступленіи нашемъ въ госпиталь, насъ поразило бѣдственное положеніе, въ которомъ находились больные. Надо сказать, что это было въ разгаръ эпидеміи «тифа» и больные были преимущественно тифозные. Изъ врачей одинъ только былъ на ногахъ, а прочіе лежали уже въ тифѣ. Помѣщеніе больныхъ было крайне антигигіенично: недостаточность воздуха, тѣснота, сырость такая, что со стѣнъ вездѣ лило, грязь, затѣмъ недостатокъ бѣлья и др. вещей. Больные лежали въ грязномъ бѣльѣ. Пищу приносили изъ кухни въ деревянномъ ушатѣ, который потомъ служилъ для многихъ другихъ цѣлей. Кушанье было плохо, порціи раздавались какъ попало, причемъ ихъ всегда почти не хватало въ количествѣ 20—25 порцій; а что происходило въ кухнѣ, съ которой мнѣ пришлось познакомиться нѣсколько позже, — и говорить нечего. Совѣстно за людей! И вотъ въ такой-то обстановкѣ пришлось начать работу!.. Поступивші въ такой госпиталь, мы не знали, за что приняты. Впрочемъ, не теряли надежды что нибудь сдѣлать, думая, что все это происходитъ вѣроятно отъ недостатка приема, но вскорѣ убѣдились, что это

справедливо только отчасти; главной-же виной былъ смотритель, не желавшій почему-то ничего дѣлать для благосостоянія госпиталя. Это доказало уже первое дѣло, за которое намъ пришлось взяться. Видя повсемѣстную грязь, мы вздумали побудить служителей мыть и чистить, но оказалось, что они не могли ничего дѣлать, такъ какъ у нихъ не было нужныхъ для этого ни рогожъ, ни вѣшниковъ, ни тряпокъ и что когда они явились за этимъ къ смотрителю, то получали только нагоняй... Затѣмъ холодъ и сырость въ госпиталѣ происходили главнымъ образомъ потому, что не отпускалось нужнаго количества дровъ. Ретирадныя мѣста стояли нечищенными будто-бы потому, что нельзя было найти нужныхъ для этого людей».

«Конечно, всего этого мы не могли оставить безъ вниманія, обратились, куда слѣдуетъ и такимъ образомъ заставили хозяйственныхъ чиновъ быть хоть нѣсколько повнимательнѣе къ дѣлу. Нѣкоторые беспорядки устранились, такъ напримѣръ завелась необходимая посуда, появилось бѣлье, улучшились нѣсколько дѣла и относительно пищи. Но имѣя у себя на рукахъ кромѣ того болѣе 100 человекъ тяжелыхъ больныхъ, за всѣмъ углѣдѣть не было возможности. Само собою, что и за это небольшое наше вмѣшательство мы нажили врага».

«Эти факты недоброжелательствъ и пренирательствъ» заключаетъ сестра «составляли самую скучную и непріятную сторону во время нашей дѣятельности на войнѣ. При отправленіи на войну, не знаю какъ другимъ сестрамъ, мнѣ, по крайней мѣрѣ, думалось больше объ иныхъ неудобствахъ, какъ-то: о трудностяхъ работы, о тяжелыхъ впечатлѣніяхъ. Но все это хотя и существовало, но не дѣйствовало столь грустно, какъ описанное выше». Можно-ли предполагать, что-бы все это оставалось неизвѣстнымъ для больныхъ и здоровыхъ воинскихъ чиновъ?... Можно-ли отрицать, что такія дѣянія, въ которыхъ отразились высокія нравственныя качества дѣятельницъ, не вызывали со стороны призрѣваемыхъ и ихъ товарищей самыя лучшія и благодарныя отношенія?... Помню я, какъ въ одной изъ взятыхъ крѣпостей Болгаринъ, врачамъ и сестрамъ выпало на долю смотрѣть и за нашими больными и за турецкими ранеными. Помѣщенія ихъ настолько были пропитаны отвратительнымъ запахомъ и испорченнымъ воздухомъ, что самыя выносливыя изъ персонала не въ состояніи были входить туда съ разу.. «Какъ только откроешь дверь и сунешь туда носъ, такъ тебя обдастъ, что отшатнетъ даже», передавали сестры.

«Въ глазахъ зарыбить, въ ушахъ шумъ и голова заболить, закружится до того, что даже вытолкнуть тебя невольно изъ этого смрада и противности!. Точно ударить чѣмъ то тяжелымъ и очнешься только лишь опять внѣ—на воздухѣ.. Отопрешь потомъ дверь, что бы дать войти хотя сколько нибудь воздуху». И не смотря на это, равно какъ на печальныя и тяжелыя картины, шли люди на помощь и своимъ и врагамъ.. Здѣсь грозили ужасныя лица з а р а зъ и с м е р т и и отъ своихъ, но отступали они предъ свѣтлыми лучами, заложенными въ натуру, полную любви къ человѣчеству,—прекрасными видѣніями, создаваемыми сознаніемъ исполненнаго долга и чувствами сердечности и состраданія.. Шли на помощь, видя только страданія несчастныхъ, и конечно эти послѣдніе сердцемъ и мыслію, если только не языкомъ, воздавали свою благодарность и свое уваженіе за эти подвиги человѣколюбія, подъятыя ради ихъ благосостоянія.

Вообще отношенія сестеръ къ больнымъ и больныхъ къ сестрамъ, посвятившимъ себя уходу за ними, слагались самыя желательныя какъ для нихъ самихъ, такъ и для успѣховъ всего дѣла. Вниманіе, услужливость, самотверженіе—съ одной стороны; благодарность, похвала и благословеніе съ другой.—«Богъ васъ благословить»—чаще всего слышалось изъ устъ в ы з д о р а в л я ю щ а г о и возвращающагося снова къ битвамъ или у м и р а ю щ а г о и отходящаго туда, гдѣ царство мира и любви, или наконецъ н е с п о с о б н а г о , отправляющагося въ свое удрученное горемъ семейство и на родину!.

Такія отношенія больныхъ не говорятъ ли между прочимъ и за то, на какой нравственной высотѣ стояла русская женщина и что ея поведеніе было слишкомъ безукоризненно? Не то ли-же мы видѣли изъ вышеприведенныхъ отзывовъ госпитальныхъ врачей, общимъ голосомъ свидѣтельствующихъ о безупречной жизни русской женщины, бывшей на войнѣ въ званіи сестры милосердія, врача и фельдшерицы?—Не тоже-ли наконецъ слышится въ общемъ отзывѣ очевидцевъ и особенно въ такихъ словахъ, которыми надѣляли наши солдаты русскую женщину, помогавшую имъ: «Богъ тебя благословить?»

И такъ и фактическія данныя, и всѣ соображенія говорятъ за то, что русская женщина достойно прошла г о р и л о испытанія, проявивъ высокія нравственныя качества, и что жизнь ея въ такихъ исключительныхъ условіяхъ была въ общемъ безупречна со стороны даже принциповъ высшей общественной морали. Могли-ли-бы въ

противномъ случаѣ сохраниться такіа прекрасныя отношенія къ русской женщинѣ, которыя высказаны всѣми, не исключая даже иногда и тѣхъ, которые видѣли въ ней свою совѣсть!.. Не бросая камнями въ тѣхъ, которыя не выдержали тяжелаго испытанія, не по своей, быть можетъ, винѣ, мы не можемъ и не должны забыть тѣхъ душевныхъ словъ, которыми наши солдаты надѣляли русскую женщину, помогавшую имъ: «Богъ тебя благословить, и— дѣйствительно «Богъ благословляетъ всякій трудъ, всякое испытаніе, понесенныя ради другихъ, ради общества, ради человѣчества!..

ГЛАВА X.

Жизненная обстановка и взаимныя отношенія сестеръ.

Еще болѣе осторожности и фактической достовѣрности требуется въ изображеніи взаимныхъ отношеній сестеръ милосердія, а между тѣмъ и эту сторону пропустить нельзя, такъ какъ она не оставалась, конечно, безъ вліянія на ходъ всей дѣятельности женщины, какъ обыкновенно замѣчается сильное вліяніе непосредственной и внутренней жизни вообще на дѣятельность каждаго человѣка. Ощущенія и впечатлѣнія, получаемыя отъ домашнихъ, такъ сказать, предметовъ, тѣ или другія чувства, ограивающія подобныя впечатлѣнія и вызываемыя обыденными обстоятельствами, непременно отзываются на желаніяхъ человѣка, на его волѣ и дѣйствіяхъ. И было-бы весьма страннымъ предполагать полнѣйшую нечувствительность къ разнаго рода воздѣйствіямъ, равно какъ и думать, что все это не оставило-бы никакого слѣда на общественной ихъ дѣятельности. Въ нашемъ-же случаѣ отъ взаимныхъ отношеній зависѣло болѣе или менѣе лучшее, какъ матеріальное, такъ и нравственное, положеніе сестеръ. Въ первомъ отношеніи удобства помѣщенія, продовольствія и работы,—во второмъ—развлеченіе и нравственная поддержка были находимы чаще всего въ отношеніяхъ другъ къ другу.

Не касаясь въ подробности внѣшней жизненной обстановки, такъ какъ въ этомъ отношеніи представлялось чрезвычайное разнообразіе, тѣмъ не менѣе считаю возможнымъ и не лишнимъ хотя общими

штрихами очертить эту сторону жизни русской женщины на войнѣ. Въ большинствѣ случаевъ встрѣчалось много лишеній со стороны помѣщеній, продовольствія и пр. Неудобства помѣщенія особенно тяжело сказались поздней осенью и зимой и тогда, когда военновременные госпитали бывали расположены въ полѣ. Здѣсь и женщинамъ приходилось помѣщаться въ палаткахъ и юртахъ. «Палатки госпиталя», пишетъ сестра изъ Болгаріи «занесены снѣгомъ. Сестры помѣщаются въ юртахъ, продуваемыхъ со всѣхъ сторонъ. Къ утру въ нихъ такъ холодно, что леденѣютъ платье и всѣ вещи. Одна изъ сестеръ даже отморозила себѣ ноги». Но и въ городахъ иныхъ не было лучше и сноснѣе, приходилось жить въ домахъ, изъавленныхъ отъ оконъ, дверей и печей... И холодно и сыро».. Въ замѣткахъ сестры находимъ, что «въ помѣщеніяхъ было и холодно и сыро, но претендовать на это было трудно, потому что вообще было мало хорошихъ квартиръ. Въ отношеніи-же стола мы часто бывали поставлены въ затруднительное положеніе».

Такимъ образомъ, жизненные удобства представлялись часто въ самомъ непривлекательномъ видѣ и много встрѣтилось лишеній подобнаго рода... Но на это обыкновенно обращалось мало вниманія... Лишенія, конечно, переносились лучше, если переносились вмѣстѣ...

Жизнь вкупѣ, въ общинѣ составляла нѣкоторый отдыхъ и позволяла удовольствія и развлеченія въ разговорахъ, совѣтахъ, общемъ воодушевленіи и т. д. Въ случаѣ особаго упадка духа, въ случаѣ скуки, являющейся спутникомъ утомленія, въ случаѣ печальнаго настроенія вслѣдствіе дѣйствительно грустныхъ картинъ, постоянно проходившихъ предъ глазами, гдѣ-же могли находить и успокоеніе и поддержку женщины, какъ не внутри себя и не въ лицѣ своихъ подругъ? Скука въ обществѣ мало мыслима. Да и по особому исключительному положенію на войнѣ относительно другихъ лицъ и даже медицинскаго персонала сестры должны были жить, такъ сказать, замкнутой, кружковой жизнью, искать сближенія съ своими и удовлетворенія потребностямъ общенности, присущимъ каждому члену, между членами одной своей группы или своего кружка. Къ этому-же располагали и общіе интересы и общее одно дѣло. Понятно, каждымъ впечатлѣніемъ отъ видѣннаго и испытаннаго, каждымъ наблюденіемъ и каждымъ успѣхомъ или неуспѣхомъ дѣла приходилось дѣлиться съ своими товарищами по жизни и занятіямъ,—говори кратко: дѣлиться между собою и горемъ и радостію.

Взаимныя отношенія живущихъ вмѣстѣ и связанныхъ однимъ дѣломъ зависятъ, конечно, отъ возрѣній и характеровъ того или другого индивидуума. Каждая личность непременно вноситъ свою долю личныхъ взглядовъ, симпатій и антипатій, что особенно важно и особенно вліяетъ при такомъ совмѣстномъ жителствѣ, какъ жили почти вездѣ сестры милосердія. Понятно затѣмъ, что болѣе сильныя характеромъ, болѣе развитыя и образованныя женщины пріобрѣтали особое вліяніе на другихъ своихъ сотоварищей. Наконецъ по постановленіямъ, обыкновенно строго соблюдаемымъ женщиной вообще, значительное вліяніе имѣли старшія сестры, отъ умѣнья, такта и свойствъ которыхъ зависѣли общее направленіе всего отряда и явленія взаимныхъ отношеній. Старшая сестра представляла всѣ качества высокоразвитой, нравственной личности, могущей служить примѣромъ для другихъ и вызывавшей полное къ себѣ довѣріе и уваженіе, и — въ кружкѣ женщинъ, работавшихъ вмѣстѣ съ ней и жившихъ подъ ея руководствомъ, можно было видѣть наилучшія отношенія между собой, которыми ступеньвались всѣ неровности и шероховатости нѣкоторыхъ изъ женщинъ. На оборотъ, если старшая сестра не обладала необходимыми достоинствами и не была подготовлена къ своимъ обязанностямъ ни образованіемъ, ни жизненнымъ опытомъ, то и среди младшихъ трудно было бы искать наиболѣе единодушія. Разныя пререканія, неудовольствія, сплетенія и интригованія, кажется, неминуемы.

На самомъ дѣлѣ взаимныя отношенія сестеръ были большею частью удовлетворительны. Строптивость одной сглаживалась терпѣніемъ другой, гордость одной парализовалась скромностью другихъ, неуживчивость одной измѣнялась или затушевывалась стремленіемъ другихъ къ общинности. При этомъ опытъ указалъ, что въ большинствѣ случаевъ образовались небольшіе кружки особъ, наиболѣе сходящихся или по положенію, или по образованію, или по своимъ характеристамъ. Эти, такъ сказать, друзья дѣлили дѣйствительно уже все поровну и пополамъ. Для рельефности позволимъ выписать одну страничку изъ дневника врача. «Къ намъ прибыла и дѣйствуетъ уже одна изъ небольшихъ группъ сестеръ. Прибыла она на театръ военныхъ дѣйствій въ прошломъ году и работаетъ, какъ уже извѣстно, въ одномъ изъ самыхъ переполненныхъ госпиталей въ Болгаріи. Группа состоитъ изъ 16 сестеръ, различнаго возраста и образованія. Здѣсь и пожилыя и молодыя женщины, — здѣсь и замужнія и дѣвицы, — здѣсь

съ хорошимъ общимъ образованіемъ и съ самымъ посредственнымъ, здѣсь опытная, искусившаяся въ жизни, и такая, для которыхъ еще начинается жизненный опытъ! Всѣ онѣ живутъ вмѣстѣ подъ одной кровлей, пользуются одинаковыми условіями помѣщенія и пр. Пока еще ни одна изъ нихъ не высказывала претензіи на что-либо отдѣльное и лучшее, чѣмъ пользуются другія сестры. Можетъ быть въ началѣ и замѣчались стремленія нѣкоторыхъ выдѣлиться чѣмъ либо изъ ряда своихъ подругъ; но подъ вліяніемъ общинной жизни, уравнивающего труда, подъ вліяніемъ гуманнаго самоотверженнаго дѣла, подобныя стремленія такъ и остались безъ удовлетворенія... Все сглаживалось, регулировалось и вылилось въ форму такой общинной жизни, какихъ-бы желалось и не въ такое исключительное время, какъ война. Въ самую горячую пору или страду врачебной работы сестры, поддерживая другъ друга, отличались полнымъ единодушіемъ. Ни единого взаимнаго недоброжелательства; напротивъ, замѣтны стремленія оказать другъ другу услуги... И опоздавшія къ обѣду или чаю могли быть увѣрены, что другіе ихъ товарищи подумаютъ и позаботятся о нихъ. Какъ-то разъ въ одинъ изъ осеннихъ темныхъ вечеровъ, когда госпиталь былъ переполненъ, занимая едва-ли не до сорока домовъ мѣстныхъ обывателей, мнѣ пришлось навѣстить сестеръ. Сестры послѣ утренней, т. е. «весь день» продолжавшейся, работы собирались въ свое помѣщеніе къ вечернему чаю, который пили чуть-ли не на ногахъ, и снова спѣшили на вечернюю визитацію и на дежурство. Дружественный разговоръ, — сообщеніе интересныхъ событій и случаевъ занимали ихъ. Двѣ сестры Ш. и З. еще не возвращались...

— «Что это, какъ копаются Ш. и З.», слышался голосъ изъ среды сестеръ. — «Совеѣмъ запропали... Точно времени не знаютъ»...

— «Ш. далеко обходить улицами, а З. вѣрно отправилаcь въ больницу навѣстить Б—ву. Ей что-то очень плохо сегодня. Доктора сказали, что есть опасность и едва-ли перенесетъ тифъ», было отвѣтомъ.

— «Ужели?» и «ахъ, какая жалость!» слышалось со всѣхъ сторонъ... «Что-же это долго неидетъ З—о?.. Хоть-бы узнать, что и въ самомъ дѣлѣ съ Б—вой? Ужели надежды нѣтъ? Надо-бы назначить дежурство у ней, да и что-либо снести ей»...

«Да! да! Попросить нужно старшую сестру», говорили сестры и непритворное участіе къ больной подругѣ свѣтилось на лицахъ всѣхъ.

«В. С... вна! Вы остаетесь здѣсь, похлопочите, напойте чаемъ Ш. и З. А то сегодня ночью такой холодъ... прозябнуть, тоже, пожалуй, заболѣть! Не забудьте же», не разъ наказывали ухажившія по своимъ палатамъ сестры!

Заботливость другъ объ другѣ была постоянной, неизмѣнной и въ особенности проявилась въ то время, когда начались эпидеміи, безпощадно поражавшія санитарно-врачебный персоналъ. Заболѣвавшія были окружены уходомъ своихъ товарищей, удѣлявшихъ больнымъ вниманіе и снабжавшихъ необходимыми средствами. Сестры безбоязненно посѣщали больныхъ своихъ друзей и даже жили съ ними, окружая ихъ возможнымъ дружескимъ участіемъ и теплымъ сердечнымъ состраданіемъ. Во всѣхъ почти госпиталяхъ были примѣры подобнаго, и вездѣ почти наблюдались случаи самыхъ дружескихъ отношеній между сестрами. Въ Адріанополѣ въ Февралѣ сестры милосердія прибыли въ самомъ ограниченномъ числѣ (находилось тамъ вначалѣ не болѣе шести), и изъ этого небольшого числа скоро же большая половина заболѣла тифомъ. Оставшіяся на ногахъ ухаживали за больными, не щадя себя и не взирая на опасности. Около одной сестры, самой юной, ежедневно можно было во время визитацій видѣть дежурныхъ сестеръ, съ терпѣніемъ и любовью сдѣлавшихъ за состояніемъ больной и исполнявшихъ всякое желаніе, выражаемое ею. Не многія же, оставшіяся на ногахъ еще, сестры находили время дежурить и у старшей сестры, также заболѣвшей тифомъ тогда, когда начался уже нѣкій паническій страхъ относительно этой болѣзни и многіе храбрецы въ битвахъ довольно трусливо смотрѣли на эпидемію, боясь сильной заразы, которая царила въ помѣщеніяхъ, занятыхъ больными. За тѣмъ, когда выздоровленіе, благодаря врачебному вниманію, состоялось, поправленіе же шло чрезвычайно медленно, и въ этомъ состояніи выздоравливающія не оставались безъ дружескаго участія и сердечнаго призрѣнія своихъ подругъ. Отправившіяся на родину для поправленія здоровья сопровождалась также теплымъ участіемъ другихъ сестеръ, оставшихся на чужбинѣ. Умершей отданы ими товарищеское уваженіе и послѣднее печальное: «прости»!.

Въ Санъ-Стефано вначалѣ было еще менѣе сестеръ, прибывшихъ изъ Адріанополя. Ихъ можно было встрѣтить почти всегда всѣхъ вмѣстѣ и поинѣйшая дружба царилъ между этими труженицами. — Между ними была одна, поправлявшаяся послѣ тифа, молодая

дѣвушка, и надо было видѣть, съ какимъ вниманіемъ, съ какой заботливостію относились къ ней другія. Но когда выпало на долю старшей изъ нихъ заболѣть тамъ тифомъ; то участіе другихъ было перенесено вполне на заболѣвшую и сколько горя и слезъ стоилъ несчастный исходъ болѣзни! Смерть женщины-героя была оплакана подругами, — вмѣстѣ терпѣвшими лишенія, перешедшими Балканы и уже на берегу моря, какъ бы на порогѣ къ родинѣ, разставшимися навсегда....

Большой частью, гдѣ ни приходилось встрѣчаться съ сестрами милосердія «Краснаго Креста», на пути ли движенія госпиталей, въ квартирахъ ли ихъ, или въ госпиталяхъ и на улицахъ, можно было видѣть между ними единодушіе и товарищество, выражавшіяся самыми очевидными фактами. Это позволяло сестрамъ, при обыкновенно свойственномъ женщинамъ умѣньи, устроиваться, насколько возможно. Вмѣстѣ съ этимъ позволяло и въ самой работѣ находить взаимную помощь. Наконецъ дружескія связи, получившія начало при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, отличаются большей прочностью и уже послѣ войны между друзьями, «окрещенными» въ госпиталяхъ, — здѣсь продолжаютъ тѣ товарищескія отношенія, которыя завязаны были тамъ... на войнѣ...

Правда, нельзя умолчать о нѣкоторыхъ случаяхъ столкновеній и недоразумѣній между женщинами или между старшими и младшими сестрами. Умалчивать объ этомъ было бы чрезвычайной потерей для дѣла, для будущей организаціи института сестеръ милосердія на войнѣ. Подобныя недоразумѣнія большею частью кончались домашнимъ образомъ, среди своихъ, не восходя въ видѣ жалобъ до администраціи. Последнее относится, какъ намъ доподлинно извѣстно, къ довольно рѣдкимъ исключеніямъ, впрочемъ весьма легко объясняемымъ обстоятельствами, при которыхъ приходилось имъ подготавливаться и работать. Въ положеніяхъ дается старшей сестрѣ неограниченная власть надъ младшими, и послѣднія поставлены въ полнѣйшую зависимость отъ первыхъ; а это само собою разумѣется, могло вести и къ начальственному тону и къ деспотическому обращенію первыхъ, что не могло не волновать послѣднихъ и не побуждать ихъ протестовать всѣми доступными для нихъ средствами. Старшія сестры, вполне достойныя личности, естественно не злоупотребляли дарованной имъ властью надъ младшими; но все-таки данъ былъ большой просторъ произволу, если попались бы въ старшія сестры съ властолюбивымъ и

съ придирчивымъ характеромъ. Затѣмъ, можно ли не принимать во вниманіе обстоятельствъ, при которыхъ шла работа женщины? Массы раненыхъ и потомъ больныхъ, — грустные картины, подавляющія впечатлѣнія, усталость, недостатокъ отдыха, — все это соединялось, чтобы разстроить болѣе и болѣе нервную систему женщинъ.

При такомъ разстроенномъ состояніи организма вообще весьма естественно могла родиться нѣкоторая раздражительность, послѣдствіемъ которой было уже то, что многія вещи производили иныя впечатлѣнія, чѣмъ бы онѣ же производили обыкновенно и при совершенно здоровомъ состояніи организма. Приходилось встрѣчать мужчинъ, въ силахъ, закаленныхъ, какъ говорится, въ бояхъ, послѣ войны, во время нашей бездѣйственной стоянки въ Турціи, у которыхъ нервная система была настолько разстроена, что легко было вызвать явленія неврозизма, дрожанія, даже слезъ. Приходилось видѣть врачей, которые настолько были нервно разстроены, что стоило подвергнуть ихъ какому либо внезапному впечатлѣнію и результатъ былъ слишкомъ поразителенъ. То самое, что вызвало бы въ обыкновенное время и въ обыкновенномъ состояніи, много много, что самый малѣйшій признакъ неудовольствія, и разумно переносилось, подвергнутое размышленію, — то самое вызывало цѣлый припадокъ нервного расстройства. Что же удивительнаго, если женщины не выдерживали утомленія и получали степень раздражительности, которая потомъ сказывалась въ ихъ отношеніяхъ къ другимъ? По этому едва ли подобные случаи заслуживаютъ порицанія и могутъ быть сочтены поводами къ нареканію на женщинъ и къ составленію мнѣнія о непригодности ихъ для ухода за больными и ранеными на войнѣ. Товарищество, сложившееся на мѣстѣ, давало нѣкоторую возможность товарищамъ дѣйствовать на ту, которая бы оказывалась почему либо не хорошей, поведение которой было неудовлетворительно и неодобрительно. Въ числѣ мѣръ принимавшихся, кружкомъ, обыкновенно практиковались: нѣкоторое удаленіе отъ «несносной», непринятіе ея въ товарищескіе интересы, несообщеніе того, что сообщалось другимъ, иногда невниманіе и т. п. И этого было весьма довольно, чтобы подѣйствовать на женщину, которую почему либо былъ не доволенъ кружокъ. Въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ удалялись тѣ, которыя не въ состояніи были вынести испытаніе и работу, и большею частью удалялись «сами», сознавая невозможность

дальнѣйшаго своего пребыванія на войнѣ. Здѣсь мы имѣемъ возможность поставить приблизительно цифру сестеръ, отозванныхъ съ войны, по тѣмъ или другимъ причинамъ, по неуживчивости характера, лѣтности, непослушанію и пр. Цифра эта не превышаетъ за все время трехъ, четырехъ десятковъ сестеръ «Красн. Креста»; очевидно процентъ самый незначительный!.. Нельзя же при этомъ не вспомнить, что время совмѣстнаго подготовленія было слишкомъ непродолжительно и значить не было возможности строгаго выбора, равно какъ и болѣе близкаго ознакомленія и сдруженія сестеръ между собою.

Шли слухи и извѣстія о нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ въ одномъ изъ отрядовъ, направленныхъ на Кавказъ, о которомъ, кажется, дали нѣкоторые врачи выше означенный, не совсѣмъ благопріятный, отзывъ. По этому поводу не могу не привести страницъ изъ замѣтокъ сестры, бывшей въ этой группѣ. «Нѣкоторыя неудовольствія и непріятности у насъ появились съ того времени, какъ старшая сестра начала распредѣлять насъ по 3—4 по госпиталямъ и каждому такому кружку назначать старшихъ сестеръ изъ нашей же среды и ничѣмъ особенно не отличавшихся. Притомъ назначеніе шло не такъ, чтобы кто съ кѣмъ желалъ заниматься вмѣстѣ, тотъ и попадалъ бы въ одно отдѣленіе. Это совсѣмъ не принималось въ расчетъ. Равно какъ и старшія сестры отдѣленій назначались не по нашему выбору и желанію. Мы подчинились ради дѣла этому распоряженію и предполагали, что изъ этого не выйдетъ прока. Такъ и оказалось. Вскорѣ начались недоумѣнія и пререканія, хотя иногда не прямо относившіяся къ дѣлу, но тѣмъ не менѣе чувствительныя для сестеръ и вредныя для дѣла. Нѣкоторыя изъ назначенныхъ старшихъ ни по познаніямъ, ни по характеру и нравственнымъ качествамъ, не стояли такъ высоко, чтобы внушать прочимъ, находившимся у нихъ въ полномъ подчиненіи, ту степень уваженія, какая была необходима для успѣшнаго, и общаго веденія дѣла. Иныя же изъ нихъ хотя и имѣли за себя опытъ, принадлежа къ «испытваемымъ» общинѣ сестеръ милосердія, и отличались пожалуй въ нѣкоторой степени большей распорядительностью, но опытъ незначительный; въ своихъ же отношеніяхъ къ младшимъ онѣ проявляли свойства не очень-то высоко-развитыхъ натуръ какъ напр. одна изъ нихъ считала своей неизбѣжной обязанностью цѣлый день ходить, выговаривать сестрамъ, журить ихъ и т. под.»

«Все это побуждало младшихъ сестеръ относиться къ назначенію съ недовѣріемъ, а затѣмъ самая дѣятельность такихъ старшихъ сестеръ

заставляла младших выражать противъ нихъ неудовольствія, особенно противъ тѣхъ, которыя не отличались своимъ характеромъ. Тѣ въ свою очередь, имѣя полную возможность, не оставляли безъ словесныхъ донесеній главной сестрѣ или начальницѣ группы, которая, конечно, довѣряя вполне назначеннымъ старшимъ сестрамъ, относилась къ младшимъ съ большей строгостью и даже, быть можетъ, находила строптивость и неудовлетворительное выполнение обязанностей тамъ, гдѣ этого и не бывало... Всѣ недоразумѣнія однако со старшими сестрами скоро кончились тѣмъ, что перестали назначать старшихъ,—и дѣло пошло несравненно лучше. Если потомъ и были сестры, на обязанности которыхъ лежали нѣкоторыя хозяйственныя распоряженія, то онѣ носили названіе х о з я е к т ѣ и дальше этого ни вочто не вмѣшивались. Да и этихъ впоследствии стали назначать по выбору и желанію самихъ сестеръ, что во многихъ случаяхъ было удобнѣе и избавляло отъ лишннихъ непріятностей. Кромѣ недоразумѣній съ старшими не мало было хлопотъ и съ младшими, которыя не всегда сходились между собой. Все это, конечно, старалась устранять начальница; она переводила сестеръ изъ госпиталя въ госпиталь, и даже, если эта мѣра не достигала результатовъ, помѣщала въ своемъ госпиталѣ, рассчитывая, что подъ ея надзоромъ вѣрнѣе послѣдуетъ исправленіе; но и это средство не на всѣхъ дѣйствовало съ желаемымъ успѣхомъ и отъ нѣкоторыхъ надо было отказаться, отправивъ ихъ снова въ Россію. Это были впрочемъ довольно рѣдкія исключенія». Къ причинамъ, вызвавшимъ въ этомъ собственно отрядѣ пререканія и какъ бы безпорядки, сестра относитъ недовольно строгіе, по обстоятельствамъ, выборъ сестеръ и составленіе этой группы.

«Правда», сообщаетъ сестра, «до нашего отъѣзда были установлены общія занятія въ больницѣ, подъ руководствомъ старшей сестры съ рациональной вполне цѣлью, кромѣ пріобрѣтеній знаній, дать сестрамъ возможность сблизиться между собой, а также познакомиться съ старшей сестрой, а этой послѣдней узнать свою группу сестеръ, которыми предстояло распоряжаться; но для нашей, кажется, только группы такія сложились обстоятельства, что нѣкоторыя сестры поступили въ началѣ срока и занимались до конца, другія, нѣсколько позанимавшись, оставляли занятія, на ихъ мѣсто назначались иныя, которымъ до срока оставалось заниматься еще менѣе и т. д. Понятно, при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи объ

осуществленія идеи сближенія сестеръ и образованія группы волонтеровъ. Напротивъ того, были даны условія, которыя не могли не вести къ различнаго рода пререканіямъ... конечно до поры, до времени. Дѣло поправилось правда, скоро; но нельзя было не пожалѣть, что и безъ того масса труда въ началѣ самомъ не была облегчена другими условіями». Это заявленіе сестры даетъ еще болѣе права отнести съ должной справедливостію къ началамъ, положеннымъ въ основу подготовленія сестеръ и образованія группъ волонтеровъ, равно какъ даетъ увѣренность, что все дѣло пойдетъ, развиваясь болѣе и болѣе въ томъ направленіи, которое предначертано волею Августѣйшей Покровительницы общества попеченія о больныхъ и раненыхъ войнахъ. Между причинами сестра поставляетъ и то, что «старшая сестра вмѣстѣ съ ними же окончила свое подготовленіе, ѣхала на войну въ первый разъ, слѣдовательно не была знакома съ трудностями, при распоряженіи такой большой группой сестеръ, большинство которыхъ ей было не извѣстно и пр.» Надо замѣтить, что эти причины большей частью принадлежали этой одной группѣ, какъ видно изъ разсказовъ и замѣтокъ сестеръ другихъ общинъ и группъ. На нихъ я остановился долѣе именно потому, что почти исключительно шли свѣдѣнія о не устройствахъ въ этой группѣ, впрочемъ бывшихъ только въ началѣ и скоро исчезнувшихъ и разсѣявшихся подъ вліяніемъ общаго труда и общинной жизни.

Что касается до недоразумѣній между старшими и младшими сестрами; то, какъ уже выше сказано, подобное частію выходило изъ положенія и инструкцій, которыя давали широкій просторъ власти старшихъ сестеръ. Это приложимо въ постоянныхъ и прежде существовавшихъ общинахъ, гдѣ опредѣленные уставы и правила уже успѣли внушить дисциплину среди сестеръ, давшихъ обѣтъ служенія гуманному дѣлу христіанскаго милосердія. Но въ такихъ группахъ, которыя образовались лишь весьма недавно и образовались по извѣстному специальному случаю, т. е. на время войны, послѣ чего эти группы или кружки расходятся и болѣе не существуютъ, весьма понятно, — такая дисциплина, которая достигается долговременнымъ вліяніемъ регламента, едва-ли могла быть достигнута; хотя это, какъ кажется, главнымъ образомъ имѣлось въ виду составленными инструкціями для сестеръ «Краснаго Креста». Многія дошедшія до насъ свѣдѣнія даютъ право высказать, что инструкціи и

правила въ большинствѣ случаевъ не имѣли того вліянія, какое предполагалось, и что многимъ хорошимъ обязано дѣло такту, умѣнью и нравственнымъ качествамъ старшихъ сестеръ, равно какъ сознательному подчиненію имъ младшихъ, главнымъ-же образомъ, взаимному уваженію и обоюдной справедливости тѣхъ и другихъ. Бывало много хлопотъ и печали старшимъ сестрамъ, когда нѣкоторыя изъ младшихъ оказывались непригодными почему-либо,—и равно много было огорченій, если старшія представляли изъ себя малоопытныхъ и слабыхъ духовъ. Большею-же частью дѣло велось вкупѣ, обществомъ, причемъ старшія сестры были только первыми между равныхъ. Этихъ началъ держались довольно многія изъ старшихъ сестеръ, и надо признать, что отъ этого хуже не было и особыхъ неприятностей онѣ не видѣли; тогда какъ тѣ изъ нихъ, которыя, не обладая качествами ума и сердца, внушающими уваженіе въ окружающихъ, желали строго слѣдовать инструкціямъ, испытывали нѣчто и непріятное или по крайней мѣрѣ младшія сестры разстались не совсѣмъ довольными ими.

Опытъ есть и онъ же долженъ указать, какой кодексъ можетъ быть примѣненъ къ такимъ кружкамъ или общинамъ добровольцевъ, которыя образуются исключительно на случай войны. Въ этомъ случаѣ необходимъ кодексъ, но кодексъ возможный къ примѣненію и отвѣчающій потребностямъ и исключительнымъ обстоятельствамъ. Для примѣра считаю умѣстнымъ привести: согласно положенію о сестрахъ «Краснаго Креста» содержаніе имъ полагалось отъ госпиталя, денежное-же довольствіе не выдавалось на руки, кромѣ малой части, которая все-таки вполнѣ зависѣла отъ старшихъ сестеръ. Такой порядокъ въ кружкахъ, въ которыхъ царствовали миръ и согласіе, въ которыхъ старшія сестры не желали быть ярмомъ, конечно, не возбуждалъ какихъ-либо пререканій и не велъ къ взаимнымъ неудовольствіямъ; но при противоположныхъ условіяхъ могло выходить совсѣмъ противное тому. Всего вѣроятнѣе и выходило. По крайней мѣрѣ шли такія извѣстія объ одной изъ общинъ, что младшія сестры выражали свой протестъ противъ распоряженій своей начальницы и свое желаніе получать довольствіе каждой въ свои руки. Къ этому побуждали не недовѣріе къ распорядительницѣ, а нужда и намѣреніе послать своевременно денегъ домой къ себѣ. Многія изъ младшихъ сестеръ оставили въ Россіи дѣтей, родныхъ. Помощь послѣднимъ лежала на сестрахъ и сколько-нибудь денегъ хотѣ-

лось послать домой своевременно... Впрочемъ, пререканія, отсюда истекавшія, улаживались сами собою и были въ началѣ войны; но скоро-же послѣдовало распоряженіе главнаго управленія общества «Браснаго Креста» о выдачѣ всего жалованья сестрамъ каждой на руки и затѣмъ о пререканіяхъ по этому поводу не стало слышно.

Что касается до составленія группъ и общаго подготовленія; въ виду важности всего этого, утвержденной опытомъ, считаю умѣстнымъ указать на нѣкоторыя желанія, высказанныя той-же сестрой, замѣтки которой приведены выше... «Если признается необходимымъ назначать начальницъ группъ и старшихъ сестеръ етдѣленій; то необходимо назначать такихъ, которыя-бы вполне оправдывали свое назначеніе, т. е., обладали большими практическими и теоретическими свѣдѣніями, чѣмъ младшія ихъ сестры, которыя-бы болѣе были знакомы съ дѣломъ и умѣньемъ его вести, и кромѣ того старшія должны знать своихъ младшихъ, чтобы умѣть ими распоряжаться и быть увѣренными въ нихъ ранѣе отправленія на войну. Въ то-же время и младшія сестры, не говоря уже о томъ, что онѣ должны имѣть необходимыя знанія и призваніе быть сестрами, должны получить нѣкоторую общую подготовку и знаніе другъ друга, безъ чего не мыслимо составленіе цѣлаго отряда, въ которомъ существовало-бы какое нибудь единодушіе»... Къ такимъ желаніямъ лица, испытавшаго на себѣ и невзгоды, и огорченія, и радости, нельзя не прислушаться тѣмъ болѣе, что они выражаютъ собой практическое подтвержденіе тѣхъ началъ, которыя были поставлены въ основаніе всего, такъ сказать, сестринскаго дѣла.

И такъ прослѣдивъ, на сколько то возможно, взаимныя отношенія сестеръ, мы должны заключить, что и въ этомъ отношеніи зарѣдкими исключеніями русская женщина вышла побѣдительницей изъ тяжелаго испытанія и самымъ дѣломъ доказала свою тактичность и правоспособность къ веденію серьезнаго и важнаго дѣла, избѣгая и исправляя даже тѣ недостатки, которые навязаны ей условіями обыденной жизни!..

ГЛАВА XI.

Къ дѣятельности русской женщины на Кавказѣ.

Война наша съ турками открылась и происходила на двухъ театрахъ: на Дунаѣ и на Кавказѣ. Сформированы были двѣ арміи, и военныя дѣйствія каждой изъ нихъ шли отдѣльно, самостоятельно. Вмѣстѣ съ этимъ, понятно, и врачебно-санитарное дѣло на каждомъ театрѣ шло отдѣльно, независимо одно отъ другаго. На Кавказѣ также, какъ и въ Болгаріи и Румыніи, были свои госпитали и лазареты, свои управленія и пр. Да и вообще дѣятельность всѣхъ врачебныхъ учрежденій развивалась на Кавказѣ особымъ образомъ вслѣдствіе того, что условія для нея представлялись нерѣдко совсѣмъ иныя, чѣмъ въ Румыніи и Европейской Турціи. Въ первыхъ главахъ очерка приходилось болѣе говорить о дѣятельности русской женщины на Дунайскомъ театрѣ войны и по мѣстамъ только указывать въ общихъ чертахъ о трудахъ ея на Кавказѣ, на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ Кавказскими врачами и частію сестрами, отправленными туда изъ Петербурга. Между тѣмъ огромный районъ военныхъ и слѣдовательно санитарныхъ дѣйствій, нѣкоторыя особенности со стороны условій санитарнаго и госпитальнаго дѣла и другія обстоятельства побуждаютъ меня изложеніе о службѣ и жизни русской женщины на войнѣ пополнить свѣдѣніями съ Кавказа и сказать особо о подготовленіи и распредѣленіи сестеръ въ районѣ Кавказской дѣйствующей арміи. Для полноты очерка это тѣмъ болѣе необходимо, что въ предыдущихъ главахъ пришлось мало говорить о мѣстныхъ

женскихъ силахъ, работавшихъ на Кавказѣ въ званіи сестеръ милосердія, равно какъ и о другихъ, прибывшихъ не изъ Петербурга и трудившихся въ врачебныхъ заведеніяхъ Кавказской арміи во время войны и послѣ нея.

Дѣятельность Кавказскаго отдѣла общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ находилась подъ руководствомъ Ея Высочества Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны. На Кавказѣ кромѣ окружнаго управленія существуетъ 8 мѣстныхъ управленій и 5 комитетовъ. Дѣло этихъ управленій, какъ и вездѣ въ Россіи, состояло въ сборѣ пожертвованій, въ подготовкѣ сестеръ милосердія и санитаровъ, въ помощи вещевыми и денежными средствами окружному управленію. Такимъ образомъ и здѣсь на долю женщины выпало довольно работы и трудовъ во время войны,—и здѣсь русская женщина явилась главной пружиной частной помощи. При окружномъ управленіи открытъ дамскій комитетъ, въ составѣ 16 членовъ, принималъ дѣятельное участіе въ организаціи Тифлискаго центрального склада. Кромѣ центрального образовались и мѣстные, какъ то: въ Александрополѣ, Карсѣ, Гасанъ-Калѣ, Делижанѣ, Эриванѣ, Озургетахъ и пр., а также подвижные склады—при каждомъ санитарномъ отрядѣ.

Уже было указано, что сестры Краснаго Креста отправлены были на Кавказъ и въ Закавказье изъ Петербурга и другихъ мѣстъ Россіи и что въ началѣ трудились сестры, подготовленныя мѣстнымъ окружнымъ управленіемъ общества «Краснаго Креста», при которомъ въ 1876 году утверждена Тифлисская община сестеръ «Краснаго Креста».

Въ общемъ всего въ разныхъ врачебныхъ учрежденіяхъ Кавказской арміи трудилось 270 сестеръ. Изъ нихъ были избраны и получили подготовку на средства окружнаго управленія 125 и на средства мѣстныхъ управленій 27,—присланы изъ Петербурга 78 (съ старшими сестрами Е. М. Бакуниной, Н. А. Тимашевой и княгиней Ю. П. Хилковой), и изъ Тулы 2; прибыли изъ Москвы, съ лазаретомъ московскаго дворянства 7, изъ Петербурга съ лазаретомъ голландской церкви 3, изъ Финляндіи съ лазаретомъ финскаго управленія «Краснаго Креста» 7. Кромѣ того временно исполняли обязанности сестеръ милосердія 22 воспитанницы Закавказскаго повивальнаго института.

Сестры распределены были по военновременнымъ госпиталямъ и учрежденіямъ общества «Краснаго Креста», какъ то: въ военновремен-

ныхъ госпиталѣхъ, расположенныхъ въ Александрополь и Делижанѣ пришлось дѣйствовать группамъ сестеръ «Краснаго Креста», прибывшимъ изъ Петербурга. О дѣятельности и о заслугахъ ихъ также было сказано и по этому приведены многочисленные отзывы разныхъ лицъ, и врачей, и больныхъ...

На Кавказѣ съ самаго начала войны было сформировано пять санитарныхъ отрядовъ, съ передвижными при каждомъ изъ нихъ складами. Эти отряды заключали въ себѣ вначалѣ болѣе или менѣе ограниченный составъ личнаго персонала, но потомъ онъ постепенно расширялся до размѣровъ дѣйствительной потребности. Отряды сформированы съ цѣлью оказывать пособіе раненымъ и больнымъ въ передовыхъ линіяхъ и, въ случаяхъ возможности, открывать свои перевязочные пункты на полѣ сраженія. Въ составъ этихъ отрядовъ, кромѣ врачей, санитаровъ, входили и сестры милосердія. Впослѣдствіи, этотъ видъ дѣятельности принялъ вполне опредѣленную форму, посредствомъ организациі постоянной летучаго лазарета отъ александропольскаго госпиталя «Краснаго Креста» и прибытія такихъ же лазаретовъ отъ московскаго центрального склада и отъ московскаго маріинскаго комитета. Дѣятельность санитарныхъ отрядовъ въ отношеніи подаванія помощи на полѣ сраженія выражалась тѣмъ, что всѣ они высылали часть своего персонала во время дѣла съ непріателемъ на самое поле сраженія, какъ для перевязки и выноса раненыхъ, такъ и для снабженія ихъ чаемъ, теплою пищею, виномъ, бѣльемъ и пр. Такъ дѣйствовали и несомнѣнную пользу принесли раненымъ эти отряды въ войскахъ Пріріонскаго отряда въ дѣлѣ при взятіи высотъ Самеба, въ Ахалцихскомъ отрядѣ при штурмѣ Ардагана и при взятіи Гуляверды, — въ Ингурискомъ — во всѣхъ дѣлахъ до взятія Сухума, въ Эриванскомъ отрядѣ въ дѣлахъ между Зейденаломъ и Дали-Баба, при освобожденіи Баязета и др., въ отрядѣ главныхъ силъ — въ дѣлахъ въ періодъ первой осады Карса, во всѣхъ дѣлахъ у Аладжинскихъ высотъ и при штурмѣ Карса. Въ составъ нѣкоторыхъ изъ этихъ отрядовъ входили и сестры милосердія, какъ напр., въ летучемъ отрядѣ александропольскаго госпиталя находилось 4 сестры милосердія. Затѣмъ, сестры трудились въ лазаретахъ общества «Краснаго Креста». Такъ въ лазаретѣ Ея Высочества Ольги Ѳеодоровны (Боржомъ и Тифлисъ) находилось 22 сестры, въ госпиталѣ кавказскаго окружнаго управленія (Мацра, Бюрюкъ-Дара, Арпачай и

Тифлисъ) 14 сестеръ милосердія, въ лазаретѣ санитарнаго отряда московскаго дворянства—6 сестеръ съ начальницей Н. А. Шереметевой,—въ финляндскомъ лазаретѣ—8 сестеръ и въ голландскомъ—3 сестры. Лазаретъ московскаго дворянства помѣстился первоначально въ мѣстечкѣ Сурамъ въ баракахъ и палаткахъ, а затѣмъ, въ Октябрѣ перешелъ въ Тифлисъ,—финляндскій сначала въ Эривани, голландскій въ Александрополѣ,—но осенью оба они перешли въ Тифлисъ.

Такимъ образомъ и на Кавказѣ дѣятельность русской женщины выразилась главнымъ образомъ въ уходѣ за больными и ранеными, находящимися въ госпиталяхъ и лазаретахъ. Къ этому нѣкоторыя изъ сестеръ по мѣрѣ надобности, трудились на эвакуаціонныхъ или этапныхъ пунктахъ, расположенныхъ по маршрутнымъ линіямъ транспортировки раненыхъ и больныхъ отъ Александрополя, Игдыря и Озургета до Тифлиса и Владикавказа. Медицинскій и санитарный надзоръ за больными и ранеными, поочередно съ врачами военными, ввѣрялся особому эвакуаціонному врачебно-санитарному отряду «Краснаго Креста», въ составъ котораго между прочимъ вошли и 20 сестеръ милосердія съ старшей сестрой княгиней Е. Л. Шаховской. Кромѣ занятій по уходу за отдыхающими больными на пунктахъ, сестры принимали участіе и въ транспортахъ, что видно изъ самаго механизма эвакуаціи. Обыкновенно дѣлалось такъ: сформированный транспортъ обыкновенно при врачѣ, фельдшерѣ, 2 сестрахъ милосердія и 2 санитаряхъ подымалъ до 200 больныхъ и раненыхъ. Порядокъ слѣдованія транспорта опредѣлялся особой инструкціей. Сестры милосердія снабжались, для раздачи больнымъ на все время пути—чаемъ, сахаромъ и пр.

Еще въ Ноябрѣ 1876 года Кавказское окружное управленіе пришло къ заключенію, что, при достаточномъ обезпеченіи дѣйствующихъ отрядовъ военно-временными госпиталями, въ открытіи подобныхъ лѣчебныхъ заведеній на частныя средства, а слѣдовательно и на средства общества «Краснаго Креста», не можетъ предстоять особой надобности, и что дѣятельность управленія должна быть направлена, по преимуществу, на улучшеніе обстановки больныхъ и раненыхъ въ правительственныхъ лѣчебныхъ заведеніяхъ и вообще на пополненіе средствъ этихъ заведеній по успокоенію страждущихъ. Опытъ, вслѣдъ за открытіемъ кампаніи, оправдалъ основательность

такого заключенія, и мало по малу этотъ видъ помощи сдѣлался преобладающимъ. Всѣ склады производили отпускъ чая, вина, пищевыхъ припасовъ и пр.; для того, чтобы пособія поступали по назначенію, все отпускавшееся выдавалось главнымъ образомъ на руки сестрамъ милосердія, которыя, по словамъ отчета управленія, почти безъ исключенія, посвящали себя дѣлу ухода за страждущими съ полною христіанскою любовью и самоотверженіемъ.

Кромѣ этого отзыва окружнаго управленія, имѣвшего всѣ способы контроля и полную возможность удостовѣриться въ этомъ, посредствомъ своихъ агентовъ или уполномоченныхъ, многіе другіе отзывы главныхъ госпитальныхъ врачей и другихъ лицъ нашли уже помѣщеніе въ предыдущихъ главахъ очерка. Изъ всѣхъ ихъ видно, что дѣятельность женщины и на Кавказѣ была почтенна и успѣхи госпитального дѣла во многомъ обязаны ревностному и самоотверженному служенію сестры милосердія, проявившемуся особенно во времена трудныя для госпиталей и для санитарно-врачебнаго персонала, какъ-то: во время эпидеміи, переполненія госпиталей больными и т. п. Санитарный персоналъ въ эти трудныя времена также быстро таялъ, какъ и въ Европейской Турціи и значительному большинству сестеръ пришлось вынести тифы и лихорадки, нѣкоторымъ же и поплатиться жизнью за свой сердечный, полезный и самоотверженный трудъ на пользу своихъ собратій и даже враговъ. Изъ заболѣвшихъ сестеръ, насколько извѣстно, умерло въ 1877 году пять.

Затѣмъ изъ нѣкоторыхъ данныхъ и изъ сопоставленія числа сестеръ и госпиталей, равно какъ и цифры больныхъ, нельзя не усмотрѣть, что общаго количества сестеръ было недостаточно для надлежащаго ухода за больными и ранеными и что такимъ образомъ уходъ за больными не во всѣхъ госпиталяхъ обставленъ былъ одинаково. Въ военно-временныхъ госпиталяхъ оказывалось сестеръ гораздо менѣе, чѣмъ въ лазаретахъ «Краснаго Креста». Вслѣдствіе этого работа сестеръ, служившихъ въ первыхъ, по необходимости, была тяжелѣе и особенно трудности ея сказались въ самый разгаръ эпидеміи тифа. Наконецъ не могу пропустить мнѣнія одного изъ уполномоченныхъ общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, который, основываясь на опытныхъ наблюденіяхъ, находилъ наиболѣе полезнымъ и возможнымъ, чтобы женщины при-

нимали на себя званіе уполномоченныхъ общества или агентовъ частной помощи. Опытъ убѣдилъ его въ томъ, что женщина, исполняя эту обязанность въ госпиталяхъ, дѣйствительно можетъ принести громадную пользу дѣлу. Въ виду всего этого конечно слѣдуетъ ожидать, что настоящія окружныя и мѣстныя управленія обратятъ вниманіе на постоянные кадры сестеръ милосердія, полезная и необходимая дѣятельность которыхъ, по уходу за больными, доказана столь очевидно опытомъ прошлой войны.

